

Главный экзамен

Х Продолжение. Начало в № 5 за 21 января.

Весь мир восхищался отвагой и мужеством героев Сталинградской битвы, но не в силах был остановить бессмысленное истребление стариков, женщин, детей в концлагерях и гетто. Только в моём родном местечке Хотимск, что в Белоруссии, было расстреляно 806 ни в чём не повинных человек.

Стариков и больных, которые были не в состоянии передвигаться самостоятельно, расстреливали прямо у родных очагов. Такая участь постигла дедушку Галины Миркиной (супруги М.Я. Забегая – Ред.) и моего отчима.

День казни наших хотимчан – 4 сентября 1942 года – официально зарегистрирован в архивных документах Белоруссии.

Не знал я тогда о постигшем меня личном горе. В тот чёрный день 4 сентября 1942 года под дулами немецких пулемётов стояла моя семья и семья Галины Миркиной. Из 806 человек, ушедших в святую вечность, 13 наших самых близких и дорогих людей, в том числе – 7 детей. Наша вечная неугасающая боль!

Сталинград продолжал жить и бороться.

9 сентября 1942 года. Максимальное расстояние, отделявшее немцев от Волги на нашем участке фронта едва превышало 10 км. Наше подразделение вступает в бой с жестоким врагом на окраине Сталинграда. Незабываемые, врезавшиеся в память на всю жизнь минуты этого дня. В ушах до сих пор стоит грохот тех взрывов, отчётливо чувствую запах гари, запах войны.

Час, другой... Земля горит под гусеницами танков. Бой продолжается.

Сумерки. Наша «тридцатьчетвёрка» вздрогнула, замерла на месте. Крупный осколок снаряда попал в моторную часть. На буксире добираемся до места расположения основных сил подразделения.

Ни минуты передышки. С ходу приступаем к ремонту машины.

12 сентября. Полдень. Покончив с обедом, аппетитно затягиваюсь крепким табачком. Неподдалёку то и дело рвутся снаряды, падают бомбы.

Сажу на танке и жду распоряжения командира, что делать дальше. Любуюсь стоящим на набережной памятником Герою Советского Союза летчику В. Хользунову. Но команды пока не последовало.

Вдруг голова пошла кругом, налилась свинцом. Перед глазами, точно кинокадры, проплыли эпизоды из детства, недолгой жизни.

Меня укладывают на носилки, несут к переправе... и проваливаюсь в бездну. Каким чудом оказываюсь на другом берегу Волги – одному Богу известно.

Полевой госпиталь. Передо мной мелькают белоснежные халаты, надо мной сверкают вспышки электрического света, плыву в неизвестность. У меня что-то спрашивают, что-то отвечаю. Слышу голоса людей. Не понимаю, где я, что со мной. Я вне времени и пространства. Вокруг жизнь продолжается, но без меня.

Проходят дни и ночи, дни и ночи. Открываю глаза. Правая рука меня не слушается, неподвижны ноги. Лежу на земляном полу, подо мной соломенный матрац, тело противится жёсткому ложу.

Оглядываюсь. Нежилое длинное помещение. Рядом такие же бедолаги, как и я. Кто-то стонет, корчится от боли.

Начинаю понимать – я в передвижном полевом госпитале.

– Сестричка, что с ногами? – спрашиваю сидящий возле меня на стульчике белый колпачок.

– Слава Богу, оклемался, – слышу незнакомый голос. – Тяжелое черепное ранение. Поправись – и ноженьки отойдут. У нас здесь долго не залеживаются. Подберут вас десяток-другой и отправят в ближайший нормальный госпиталь. И там тебя долго держать не будут. В тыл отправят, тяжелый ты.

Вскоре стали собирать группу для отправки на лечение подальше от фронта. В одну из таких групп попал и я.

Неделя, другая... Новый госпиталь, незнакомые стены, внимательный, заботливый медицинский персонал.

Окончательно прихожу в себя. В перевязочной сменили бинты и задали несколько вопросов. Ответы врача удовлетворили, сказал, что я молодец.

Лунная октябрьская ночь. Эшелон с ранеными готов к отправке на восток. Паровозный гудок, и мы трогаемся с места.

В вагоне тишина, слабое освещение способствует нормальному сну больных людей. Ничего не предвещает беды.

... И вдруг, ох это вдруг! В хвост санитарного поезда пристраивается вражеский бомбардировщик. Смертельный груз падает то с одной, то с другой стороны колеи. Поезд останавливается, кто могут, покидают вагоны. В нашем остаются несколько тяжело раненных. Выносятся нас некому. Бомба разрывается совсем рядом. Осколок пролетает в нескольких сантиметрах выше моей головы и попадает в тяжело раненного бойца.

Я снова на операционном столе. Меня успокаивают, что всё идёт хорошо. Вмешательство без наркоза. Я в сознании. Возвращаюсь в свою палату.

Рана закрылась, но я лежу пластом, ноги ходить не желают. Меня предупреждают, что без сложной операции не обойтись. Вопрос стоит предельно ясно – оставаться мне калекой или встать на свои ноги.

Соглашаюсь на операцию. Знакомый операционный стол, предупреждают, что операция пройдёт под местным наркозом. В моём случае общего наркоза применять нельзя. Я в полном сознании, весь в поту.

В операционную входит Яков Маркович, подходит к столу, здоровается, спрашивает о самочувствии.

Не знаю, сколько времени пролежал я на операционном столе. Меня увозят в палату.

Я должен сказать, что в операционные дни мы все волновались, нервничали. За месяц пребывания в госпитале заимели друзей, они подходили, поздравляли, успокаивали.

Прошло несколько дней, и я почувствовал шевеление пальцев на правой ноге. Мне становилось всё лучше и лучше.

Жду первой перевязки.

Ох эта первая перевязка! Нужно убрать тампоны, вложенные в раны, а они, как только к ним прикасается пинцет, страшно болят. Тампоны присохли к ране на голове и не отклеиваются. Снова выручает Яков Маркович: мину-

“ **Только в моём родном местечке Хотимск, что в Белоруссии, было расстреляно 806 ни в чём не повинных человек** ”

Отбой тревоги, и соседа выносят из вагона.

Я лежу на верхней полке у окна. Вижу подъехавшую машину «скорой помощи», прибежавших на развед десятков людей. Поезд трогается с места.

Новосибирск. Эвакогоспиталь, куда нас привезли, разместился в здании школы. В каждом классе до 15 раненых. Медицинская сестра Прасковья Михайловна не знает покоя. Большинство тяжёлых. Каждому нужен свой подход. Одного успокоить придуманной на ходу байкой, другого приструнить более строго. У каждого свой характер, своё отношение к случившемуся.

Присматриваемся друг к другу. Молодые ребята. Только бы учиться, приобретать специальность, завести семью.

Проходит неделя за неделей. Меня регулярно возят на перевязки, но рана не затягивается. Приглашают на консультацию профессора Я.М. Павлонского. Светило от Бога. Слышу повторяющееся вокруг меня слово «свищ».

другую он оценивает обстановку и рывком освобождает рану.

Мне молча вытирают вспотевший лоб.

Чудо свершилось! Проходит несколько недель, и я поднимаюсь на костылях, делаю первые шаги, подхожу к окну. Мне улыбается солнце, весь мир.

Разве можно передать словами охватившую меня радость, жажду жизни!

После месяцев лечения я покидаю костыли. К майским праздникам 1943 года меня готовят к выписке.

Покидаю госпиталь, дорогих мне людей в белых халатах, ученых разных степеней и должностей эвакуированного в Новосибирск Харьковского медицинского института, подарившим мне и сотням таких, как я, вторую жизнь.

Михаил Забегай.
Филадельфия, США.
Специально для
газеты «Новый мир».

Вот что удалось мне найти в американской печати о том времени, о тех трагических и героических днях Сталинграда.

«Основные события 1942 год»

23 августа. Немецкая авиация господствует в воздухе. Немецкие войска вышли к Волге севернее города.

13 сентября. Немецкое наступление на Сталинград.

24 сентября. Немцы заняли почти весь центр Сталинграда.

19 ноября. Началось контр наступление Красной Армии под Сталинградом.

23 ноября. Завершено окружение немецких войск.

1943 год

10 января. Началась операция по уничтожению окруженных под Сталинградом войск противника.

31 января. Капитуляция немецких войск, окруженных в районе Сталинграда».

«От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 г. по 31 января 1943 г. будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных наций против сил агрессии.»

Франклин Д. Рузвельт.
17 мая 1944 года. Вашингтон».

Продолжение следует. Х